

Секция «31.1 Современные социальные трансформации: факторы, условия, результаты»

Многообразие теоретических подходов к определению доверия к научному знанию

Научный руководитель – Орлова Ирина Борисовна

Текеев Бадма Валерьевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук (факультет), Кафедра социологии знания, Москва, Россия
E-mail: badma.tekev@bk.ru

Доверие к научному знанию — не «отношение к науке вообще», а совокупность разнородных ожиданий и готовностей: доверие к носителям знания (учёным), к институциональным процедурам (экспертиза, рецензирование, самокоррекция), к организациям (университеты, академии, научные центры), к конкретным результатам (статьям, вакцинам, моделям), а также к «эпистемическим сигналам» качества (открытость данных, раскрытие финансирования, воспроизводимость). Эта многослойность эмпирически фиксируется: в США доверие к учёным и/или научному сообществу остаётся относительно высоким, но заметна политико-идентификационная поляризация критериев «достойной доверия науки»; респонденты поддерживают нормы прозрачности и самокоррекции, одновременно сомневаясь в ценностной близости учёных и их способности преодолевать предвзятости.

В России данные массовых опросов показывают высокие уровни «скорее доверия» при чувствительности к контекстам кризисов и к символической позиции науки: ожидания к науке часто утилитарны («инструмент решения задач»), а доверие к гуманитарно-социальным дисциплинам ниже, чем к медицине и «точным» областям.

Теоретически доверие к науке продуктивно рассматривать на стыке: (а) классической социологии доверия (как механизма связи в условиях неполного знания и неопределённости), (б) психологии (как результата когнитивных эвристик, аффектов, атрибуций и базовой «эпистемической бдительности»), (в) экономики и неоинституционализма (как ответа на асимметрию информации и проблему «качества», решаемого через репутации и институты), (г) социальной эпистемологии (как добродетели/практики рационального доверия к свидетельству и экспертному разделению труда).

С позиций социологического уровня Зиммель полезен не столько «как автор про доверие», сколько как теоретик границ знания: общественный порядок держится на управлении видимостью/невидимостью, и там, где знание ограничено, возникает необходимость доверия как ресурса ассоциации. В «секретных обществах» взаимная уверенность участников — не моральный бонус, а техническое условие сохранения самого режима взаимодействия.

Перенос на науку: наука институционально производит «частичную закрытость» (профессиональные языки, доступ к данным/лабораториям, рецензирование). Отсюда следует парадокс: чем сложнее знание и чем выше порог входа, тем больше обществу нужны публичные заместители прямой проверки — сигналы соблюдения норм (прозрачность, disclosure, репликация).

В свою очередь Дюркгейм задаёт макро-рамку: доверие к науке можно мыслить как часть легитимации современного морального порядка, где солидарность поддерживается не сходством, а кооперацией и разделением труда. В этой логике научное знание выступает механизмом «согласования умов» через общие правила, санкции и формы обязательности (право/норма/профессиональная этика).

Перенос на эмпирику: конфликт «форм знания» (научное vs альтернативное/конспирологическое)

можно трактовать как конфликт солидарностей и моральных авторитетов; тогда доверие к науке падает не только из-за «незнания фактов», а из-за конкуренции источников морального порядка (кто имеет право говорить, кому верить, чьи интересы признать легитимными).

Продолжая социологическую перспективу, Бауман встраивает доверие в режим «текучей модерности»: рост неопределённости, фрагментация агентности и ощущение невозможности действовать с уверенностью формируют фон, на котором доверие к экспертным системам становится одновременно необходимым и хрупким.

Это особенно применимо к современным «быстрым кризисам» (пандемии, AI-риски, климатические конфликты), где наука вынуждена говорить языком вероятностей и пересмотра гипотез, а публичные аудитории интерпретируют пересмотр как «ненадёжность». Интуитивная реакция «страха без якоря» усиливает спрос на простые объяснения и на конкурирующих «псевдо-экспертов», о чём прямо пишут современные источники.

Как следствие, П.Штомпка даёт наиболее прямой мост к доверию к научному знанию как к ставке: доверие — ориентированное на будущее ожидание, что другой (или институт) поведёт себя предсказуемо и корректно, хотя у нас нет полной информации и есть риск.

Современные обзоры эмпирики доверия к науке прямо фиксируют, что начиная с конца 1990-х доверие становится центральной переменной в исследованиях научной коммуникации и коммуникации риска. Перенос на науку: доверие к «самокорректирующейся» науке — это ставка на то, что ошибки будут обнаружены и исправлены, а конфликты интересов — раскрыты. Именно поэтому в США аудитория часто поддерживает требования раскрытия финансирования и открытости к изменению позиции на основе новых данных.

Дополнительная важная линия, которая проводится психологическим подходом, — различие межличностного и институционального доверия. Российские исследования доверия к социальной науке прямо предлагают рассматривать доверие как трёхуровневую установку (оценочную, когнитивную, поведенческую) и предупреждают о «производстве артефактов», если мерить доверие к социальной науке только «широким общественным мнением» без учёта целевых групп и интереса к знанию.

Это методологически важный тезис: доверие к научному знанию часто не универсально, а привязано к практикам использования знания (чиновники, бизнес, учителя, студенты, журналисты), а значит — к разным режимам институционального доверия и к разным критериям «полезности/надежности».

В то время как экономический подход объясняет не только падение доверия, но и его устойчивость: если институты науки дают аудиториям понятные гарантии против оппортунизма (раскрытие финансирования, открытые данные, эффективные ретракции, санкции за фабрикацию), то доверие становится «рациональным» — даже при признании того, что отдельные исследования могут ошибаться.

Таким образом, делается вывод о многообразии теоретических подходов как о сильном методологическом потенциале, способным реализовать любую исследовательскую задачу.

Источники и литература

- 1) Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
- 2) Гидденс Э. Последствия современности. М.:Праксис, 2011. Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- 3) Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 576 с.
- 4) Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. 240 с.
- 5) Штомпка П. Доверие – основа общества. М.:Логос, 2012. 445 с.

- 6) Штомпка П. Социология социальных измерений / под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 414 с
- 7) Building and sustaining public trust in science [Electronic resuors] // The Washington Post. 2022. Dec. 6. URL.: <https://www.washingtonpost.com/washington-post-live/2022/12/06/buildingsustaining-public-trust-science/>, свободный
- 8) Anvari F., Lakens D. (2018) The Replicability Crisis and Public Trust in Psychological Science. Comprehensive Results in Social Psychology. Vol. 3. No. 3. P. 266–286.